

Дана Дуняша

Правила Даны. Чернильная ПОЭЗИЯ

18+

Дана Дуняша

Правила Даны. Чернильная поэзия

«Автор»

2025

Дуняша Д.

Правила Даны. Чернильная поэзия / Д. Дуняша — «Автор», 2025

Новое правило Данэль: никогда не влюбляться в мужчину, чье искусство навеки вписано в кожу. Особенно если он сам — ходячая поэма страсти и боли. Но когда я увидела строчки Рильке на его запястье, а его взгляд — на мне, все правила полетели в тату-машинку. Он рисовал на мне историю нашей любви, но оказалось, что у каждой поэмы есть последняя строчка...

© Дуняша Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1: Встреча. Знаки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Правила Даны. Чернильная поэзия

Часть 1: Встреча. Знаки

Глава 1

Стеклянный бокал для мартини – прекрасный сосуд. Он холодный, гладкий и абсолютно пустой. Прямо как я сегодня утром, когда проснулась в своей шикарной, вылизанной до блеска квартире и осознала, что единственное живое существо, которому я действительно нужна – это фикус. И то, потому что я поливаю его водой «Перье».

«Значит, так, Данэль, – сказала я своему отражению в панорамном окне, за которым кипел вечерний мегаполис. – Серия «Андрей: когнитивный диссонанс в костюме от Hugo Boss» официально закрыта. Сценарий знакомый: идеальный кандидат на бумаге, фантастика в постели первые два месяца, а потом медленное погружение в болото претензий. «Ты слишком самостоятельная», «Ты слишком много работаешь», «Ты что, не можешь просто быть слабой?». Могу, дорогой. Но не с тобой».

Я отхлебнула ледяной коктейль. Горьковатый вкус джина был честным. Честнее, чем его последние слова: «Я просто не готов к таким сильным чувствам».

«Глупость, – провозгласила Катя, вонзая вилку в маслину в своем бокале. – Мужики боятся, когда женщина – целая вселенная. Им подавай удобный спутник, луну у своей планеты». Катя – мой психотерапевт по жизни и визажист по диплому. Она знает все мои разбитые сердца, как палитру теней.

«А мне нравится быть вселенной, – сказала я, чувствуя, как привычная ирония возвращается, смывая последние капли тоски. – Даже Большой взрыв переживу. Уже не раз бывало».

«Значит, план «Перезагрузка»? – улыбнулась Лера, наш IT-гений, способная взломать что угодно, кроме мужского упрямства.

«План «Перезагрузка», – кивнула я. – Первый пункт: внешность. Мой мозг и душа обновились – пусть и оболочка соответствует».

Час спустя мы уже гремели флаконами в огромной ванной комнате моей квартиры. Прежний цвет волос – теплый карамельный блонд – лежал на полу клочьями, как прошлые обещания. Катя, в резиновых перчатках до локтей, наносила на мои волосы смесь, пахнущую аммиаком и решимостью.

«Кардинально, – прищурилась Лера, наблюдая за процессом. – Ты уверена? Черный с синим отливом – это тебе не игрушки».

«Абсолютно, – ответила я, глядя на свое бледное лицо в зеркале. – Он строгий. Загадочный. Не прощает ошибок. И с ним не спутаешь. То, что нужно».

Когда Катя смыла состав, и передо мной возникло новое отражение, я задержала дыхание. Это была не просто другая женщина. Это была данная версия меня. Волосы, черные как космическая пыль, отливали в свете ламп глубоким сапфировым сиянием. Лицо казалось бледнее, глаза – больше, зрачки в них расширились от любопытства к собственной трансформации.

«Богиня ночи, – выдохнула Катя. – Жутко и потрясающе».

«Теперь пункт второй, – сказала я, все еще не отрывая взгляда от себя. – Нужен новый знак. Не в память, нет. А... как точка отсчета. Как зарубка на стволе дерева. Типа «здесь и сейчас началась новая эра».

«Тату?» – Лера подняла бровь.

«Тату, – подтвердила я. – Маленькая. Изысканная. Никому не видимая, кроме меня. И мастера, конечно».

Поиски в интернете заняли весь следующий день. Я отсеяла гламурные салоны с плакатами драконов и сразу наткнулась на студию «Чернильная поэзия». Фотографии работ заце-

пили: не картинки, а отголоски мыслей. Полустертые строчки из книг, геометрические символы, сплетенные в узор, летящие птицы из точек и линий. Это было не набивание рисунка, это было письмо на коже. На сайте был всего один мастер – Лев.

Глава 2

Студия находилась в полуподвале старого кирпичного здания. Дверь была неприметной, только маленькая табличка с названием. Внутри пахло антисептиком, зеленым чаем и чем-то еще – творческим беспорядком, краской, кожей.

Было тихо. Играла негромкая инструментальная музыка, что-то между джазом и электроникой. В центре помещения стояло кожаное кресло, похожее на кресло барбера, а за стойкой, изучая эскиз на планшете, сидел он.

Лев.

Первое, что я подумала: «Он не похож на Льва». Никакой гривы и царственной осанки. Скорее, на крупного, сосредоточенного волка. Темные, почти черные волосы, коротко стриженные. В тонкой чёрной футболке, обтягивающей рельефные плечи и бицепсы, покрытые паутиной татуировок. Не кричащих, а как будто проступающих изнутри. Когда он поднял глаза, время слегка споткнулось. Глаза серые, холодные, как речной камень. В них не было ни капли приветливости, только глубокая, почти хищная концентрация.

– Данэль? – его голос был низким, немного хрипловатым, как звук зажигалки в тишине.

– Да. У меня была запись.

– Знаю. Садитесь.

Он не улыбнулся. Кивнул на стул напротив. Я села, чувствуя нелепый прилив нервозности. Я, Данэль, которая вела переговоры с разъяренными инвесторами, тут дрожала под взглядом человека с иглой.

– Что хотите? – спросил он, отложив планшет.

– Вот это, – я протянула ему свой телефон с открытой картинкой. Это был стилизованный символ – бесконечная лента Мёбиуса, но не просто петля, а переплетенная с тонкой линией, похожей на строчку письма.

– Почему?

Вопрос застал врасплох.

– Чтобы помнить, что любая точка – это начало новой линии. И что поверхность имеет две стороны, даже если кажется одной.

Он долго смотрел на эскиз, потом на меня. Его взгляд скользнул по моим новым черным волосам, задержался на глазах.

– Место?

– Ребро. Слева.

Он едва заметно кивнул, как будто место его одобрило.

– Размер небольшой. Час, не больше. Убедитесь, что не голодны, не пьяны и не влюблены.

Последнее условие прозвучало как личная насмешка судьбы.

– С последним полный порядок, – брякнула я и тут же пожалела. Слишком уж по-девичьи защитно.

Лев ничего не ответил. Только уголок его рта дрогнул на миллиметр. Может, показалось.

– Идемте.

Он провел меня в процедурную. Все было стерильно, ярко освещено. Я легла на кушетку, задрала край топики. Кожа на боку оголилась, стало прохладно и уязвимо.

Он вымыл руки, надел перчатки. Его движения были экономными, точными. Приготовил машинку, краски. Нанес переводку. Холодный гель, прикосновение пальцев. Я зажмурилась.

Иглу я почувствовала раньше звука. Острое, четкое жжение, будто точку на моей коже прижгли лазером мысли. Я вскрикнула.

– Дышите, – сказал он спокойно, не останавливаясь. – Первые десять секунд – самые честные. Потом тело привыкает ко лжи, что ему больно.

Я засмеялась сквозь слезу, выступившую на глазах от неожиданности и боли.

– Вы всегда так... философски говорите с клиентами?

– Только с теми, кто приходит за поэзией, а не за картинкой, – прозвучало прямо над ухом. Он наклонился близко, его дыхание коснулось моей шеи. Пахло мятным ополаскивателем и кожей. – Расслабьтесь. Боль – это просто еще одно чувство. Концентрируйтесь на звуке машинки. Это ваш сегодняшний ритм.

Я послушалась. Закрыла глаза. Жужжание иглы вошло в резонанс с тихой музыкой из зала. Боль из острого укола превратилась в ровное, почти медитативное жжение. А его присутствие... оно было плотным, физическим. Я чувствовала тепло его руки, лежащей на моем бедре для устойчивости. Чувствовала, как он задерживает дыхание на сложных изгибах линии. Моё собственное тело, обычно такое послушное и контролируемое, начало жить своей жизнью – реагируя на каждый его микродвижение.

Это была самая странная и интимная встреча в моей жизни. Мы не говорили ни слова. Он писал на мне. Я отдавала ему свою кожу. И в этом молчаливом обмене было больше доверия, чем в десятках моих прошлых свиданий.

Глава 3

– Готово.

Он отложил машинку. Движения были такими же точными, но сейчас в них появилась какая-то завершенность. Художник, поставивший последний мазок.

Я села, слегка кружась от адреналина и непривычных ощущений. Он поднес ко мне зеркало.

На моем ребре, точно в том месте, где, кажется, заканчивается грудная клетка и начинается что-то более хрупкое, лежала татуировка. Она была идеальной. Линии – живыми. Синий пигмент светился изнутри, переливаясь в свете ламп. Это был не просто рисунок. Это был знак. Мой знак.

– Лев... – начала я, не зная, что сказать. «Спасибо» казалось слишком мелким. – Это... именно так, как я хотела.

– Это всегда так, как должно быть, – ответил он, снимая перчатки. Его взгляд скользнул по татуировке, потом снова встретился с моим. В его каменных глазах промелькнуло что-то теплое. Одобрение? Интерес? – Заживать будет неделю. Уход объясню.

Он выдал мне баночку мази и лист с инструкциями, произнес их монотонно, как заученный текст. Но когда он сказал «избегайте тесной одежды», его взгляд на мгновение упал на мой топик, и в воздухе снова повисло то неловкое, электрическое напряжение.

Я расплатилась. Дело было сделано. Пора уходить, возвращаться в свой стерильный, контролируемый мир лофтов и видеоконференций.

Но ноги не слушались.

– Вы... не пьете кофе? После смены? – выпалила я, ненавидя себя за эту внезапную подростковую робость.

Он снова посмотрел на меня. Долго. Как будто читал что-то написанное мелким шрифтом у меня на лице.

– Чай. Я пью чай. И смена у меня закончилась полчаса назад.

Мы оказались в крошечном чайном доме в двух кварталах от студии. Он заказал пуэр, я – улун с жасмином. Сидели за деревянным столиком у окна, за которым начинался дождь. Первые крупные капли застучали по стеклу.

– Почему «Чернильная поэзия»? – спросила я, чтобы разрядить тишину, которая снова стала густой и значимой.

– Потому что это не про картинки. Это про слова, которые нельзя произнести. Про чувства, у которых нет точного названия. Их можно только вписать под кожу. Навсегда.

Он говорил мало, но каждое слово было весомым. Я узнала, что он закончил художественное, но бросил, потому что холст казался слишком непослушным, а кожа – честной. Что каждая татуировка для него – это история, которую он должен услышать, прежде чем начать.

А он... он слушал меня. По-настоящему. Смотрел не на грудь или губы, а в глаза. И задавал вопросы, от которых хотелось не отшутиться, а ответить правду.

– А зачем вам эта бесконечность на ребре, Данэль? – спросил он наконец, обжигаясь чаем. – Вы что, бежите от чего-то?

– Нет, – честно ответила я. – Я бегу к. Всегда. Просто иногда путь делает петлю. Или оказывается, что бежала не в ту сторону. А этот знак... чтобы помнить, что даже разворот на сто восемьдесят градусов – это все та же линия пути. Просто вид с другой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.